ЛЕГИТИМНЫЙ ПОРЯДОК И ПРОБЛЕМЫ ВЛАСТИ

Нормативное поведение индивидов не сводится к усвоению и принятию социальных норм. Последние не действуют сами по себе. Отдельные социальные нормы не обладают реальной практической силой санкции и социального контроля и, по существу, лишены смысла. Конституирование новых социальных норм и нормативных систем совсем не обязательно предполагает их практическую актуализацию.

Актуализация социальных норм предполагает наличие по крайней мере нескольких условий.

Во-первых, нормы должны быть связаны между собой, образовывать связный, когерентный порядок. Нормативная деструкция, для определения которой, как известно, Э.Дюркгейм использовал термин «аномия», заключается вовсе не в отсутствии норм. «Безнормных» обществ практически не бывает. Она проявляется скорее в том, что в кризисном обществе разрушено единое нормативное пространство. Взаимодействие социальных норм не только не усиливает их позитивную роль в качестве санкций и социального контроля, но часто приводит к дисфункциональным результатам. Множество примеров тому мы находим в современном российском обществе.

Во-вторых, этот порядок должен быть легитимным, т.е. признаваемым как законный. Легитимность – важнейшее условие существования нормативных порядков. М.Вебер определяет порядок как содержание общественных отношений, при котором индивиды в своих поступках ориентируются на высшие нормативные образцы («максимы») (цит. по [1. С.637]). В связи с этим возникает проблема, каким образом, в силу каких причин люди ориентируются на данные максимы. Иными словами, акцент делается на изучении легитимации: процесса утверждения, актуализации норм в определенном социальном поле.

Легитимация фиксирует «внутренний» аспект легитимного порядка. Его внешняя сторона – совокупность объективных экономических, политических, правовых условий нормативной жизни. Это исторически сложившийся, реально существующий нормативный порядок, который включает определенные социальные институты, осуществляющие нормативные санкции и функции социального контроля.

Внутренний аспект легитимации связан с проблемой нормативной интернализации, т.е. нормативные образцы окажутся актуальными только тогда, когда их соблюдение будет восприниматься и признаваться как естественное, должное, очевидное. Интернализация норм проявляется, на наш взгляд, в следующих характеристиках:

1. Нормативная идентификация. Она означает, что индивиды, являющиеся членами определенного общества, должны принимать его нормы как символическое подтверждение их статуса внутри данного общества. Иными словами, между нормативной идентификацией и социальной должна быть симметрия. Если этого не происходит, нормы перестают действовать или приобретают искаженный смысл. Например, молодой человек, призванный на срочную службу в армию, далеко не всегда идентифицирует себя с ней. Поэтому и к официальным (уставным) нормам армейской жизни у него складывается либо негативное, либо индифферентное отношение. Иное дело – неформальная армейская среда. Идентифицируя себя, скажем, с группой военнослужащих старшего призыва («дедами»), он охотно принимает нормы поведения, типичные для данной группы.

2. «Хабитуализация» (опривычивание) норм. Различные нормы по-разному могут действовать в различных повседневных контекстах, фактически растворяясь в них, образуя единое нормативное поле. Подобные контексты несут как бы дополнительную нормативную нагрузку, проявляющуюся в привычных повседневных действиях, стилях поведения, ритуалах. Социальные нормы могут действовать только тогда, когда они воспринимаются большинством людей, по-существу, как естественные, соответствующие здравому смыслу. Это относится и правовым нормам. Последние нуждаются в признании и подтверждении. Сама по себе связь содержания правовых норм (в силу абстрактного и конвенционального характера) с повседневной реальностью не носит естественного и необходимого характера. Для того чтобы эта связь установилась, необходимо культивировать привычные, «шаблонные» ожидания, обыденные естественные установки относительно самих норм и необходимости их соблюдения, создавать культурную среду, которая минимизирует негативное или индифферентное отношение людей к «некомфортным» нормам. В странах с развитыми либеральными и демократическими традициями нормативная хабиутализация проявляется, например, в правовой толерантности, в терпимом отношении к закону, правовому прецеденту. Внешний и внутренний аспекты легитимности тесно связаны между собой. Вместе они образуют единый нормативный порядок, который представляет собой одновременно объективную систему социальных норм и форм социального контроля, а также интернированные в обыденном сознании людей представления о том, каким этот порядок должен быть, какие социальные типы его представляют и какие действия с их стороны необходимы для того, чтобы ему соответствовать. Но эта связь не устанавливается автоматически. Важнейшим инструментом их связи выступает власть.

* © А.П. Павлов, 2006.

Тема власти, несмотря на большое внимание к ней со стороны ученых разных дисциплин, достаточно "уязвимая" в концептуальном плане. Наиболее слабо, с нашей точки зрения, разработаны как раз вопросы взаимоотношения власти и нормативного порядка. Акцент в изучении власти делался, прежде всего, на формах и способах ее проявления в качестве силы, политически оформленного силового влияния. Данный подход опирается на известное веберовское определение власти как любой возможности проводить внутри общества собственную волю независимо от того, на чем такая возможность основана. Проблема же роли власти в поддержании нормативного порядка часто отодвигалась на второй план.

Глубокое понимание сущности власти дает М.Хайдеггер. Природа власти двойственна. С одной стороны, власть иррациональна в том смысле, что ориентируется исключительно на способности «держаться в самом себе, т.е. в своем существе, только превосходя и превышая самое себя» [1. С. 65].

С другой стороны, наряду с «самоовладением» у власти есть другой модус – «самоопределение». «Для того чтобы воля к власти в качестве преодоления могла превзойти какую-то ступень, эта ступень должна быть не только достигнута, она должна быть инкорпорирована, даже властно фиксирована, иначе преодоление не могло бы быть преодолением» [1. С.99].

Таким образом, М.Хайдеггер считает, что власть нуждается в конструировании собственного смыслового поля, внутри которого она проясняет собственные основания, подтверждает собственные ценности. По сути, речь идет о ценностно-нормативных «разметках», внутри которых власть может действовать. М.Хайдеггер вплотную подходит к проблеме ее идентичности и самоидентичности. Эффективная власть возможна только при наличии веры и убежденности в том, что она законна. Иными словами, власть должна быть не просто легитимной, но легитимно признанной. В противном случае власть, не подкрепленная этим признанием со стороны большей части населения, не способна сколько-нибудь долго существовать.

Если М.Вебер больше внимания уделяет формально-рациональной легитимности власти, М.Хайдеггер рефлексировал по поводу феноменальной легитимности. Иными словами, власть существует постольку, поскольку население ее идентифицирует как нечто естественное, очевидное. Для этого она должна конструировать нормативный порядок, благодаря которому и внутри которого она может действовать как реальная, самодостаточная сила.

Итак, легитимность власти тесно связана с легитимностью создаваемого ею ценностно-нормативного порядка. Власть в широком понимании не есть лишь внешняя сила, противостоящая данному порядку. Она «пронизывает» его, проявляется как его живая энергия.

Социальные субъекты власти одновременно являются субъектами порядка. В качестве таковых выступают не только особые властные институты государства, но и различные социальные группы, общности, которые репрезентируют «свои» порядки, пытаются утвердить свой легитимный статус в обществе.

В свете сказанного отметим, что нормативный порядок не есть неизменное «статус-кво». Это сложный процесс ретенции («удержания») норм-образцов в сознании людей как онтологически достаточных. Например, либеральные ценности и свободы постоянно поддерживаются определенными общественно-политическими силами, в противном случае их вполне можно утратить.

Кроме того, как было сказано, порядок предполагает связность норм внутри единого смыслового пространства, которую американские социологи П.Бергер и Т.Лукман называют символическим универсумом. Символический универсум фиксирует единство внешних, объективированных компонентов порядка (реальных норм, социальных институтов, отношений, форм социального контроля), и символических кодов, правил и принципов, программирующих действия индивидов.

В традиционном обществе, несмотря на различные типы социальной идентичности, существует единое символическое пространство. Оно поддерживается трансцендентными принципами мифического или религиозного происхождения и связанными с ними ритуалами. Например, в феодальном обществе они выражаются в священных правах абсолютного монарха («помазанника» Божьего).

Конечно, нормы и ценности различных групп и общностей в традиционном обществе существенно различались. Однако существовали высшие трансцендентные принципы, которые делали их связанными в рамках единого миропорядка (символического универсума). В естественности и абсолютности последнего мало кто сомневался. Нормативная идентификация приобретала форму ритуалов по поддержанию символического универсума как субстанции бытия, как священного канонического образа, в котором все "прописано", надо только "правильно уметь читать".

Однако даже священные религиозные нормативные максимы (христианские, мусульманские, буддистские и т.д.) не действовали автоматически. Для того чтобы эти максимы были интернированы в сознании населения, необходимо, чтобы их сакральный и абсолютно легитимный статус поддерживался специальными властными институтами (государством, церковью) и специальными идеологическими доктринами (например, «Москва – третий Рим»).

В современных посттрадиционных обществах смысловое пространство гетерогенно, многослойно. Оно включает в себя различные поля жизнедеятельности индивидов. Каждое такое поле представляет собой самостоятельный ценностно-нормативный порядок, но главное отличие ценностно-нормативного пространства современных обществ по сравнению с традиционными в том, что нормативные максимы, которые собст-

венно и составляют легитимную «матрицу» данного пространства, утратили сакральный, священный смысл. Нормативное ядро, которое призвано цементировать, структурировать всю нормативную жизнь в обществе, носит не абсолютный, условный характер, хотя и ему часто пытаются придать флер сакральности. Речь идет, к примеру, о «священном» праве собственности, о естественных правах человека, об общечеловеческих ценностях.

В связи со сказанным возникает проблема удержания и поддержания нормативного ядра современного общества как естественно-легитимного. Решать ее трудно еще и потому, что современные общества плюралистичны. «Это означает, что в них есть некий центральный универсум, считающийся само собой разумеющимся в качестве такового, и различные частные универсумы, сосуществующие друг с другом и находящиеся в состоянии взаимного приспособления» [2. С.203]. Каждому «частному» универсуму присуща своя нормативная специфика, свой «акцент» в нормативной идентичности. Скажем, ценности и нормы молодежных субкультурных образований обладают специфичностью и закрытостью по отношению к ценностям и нормам иных групп и институтов и даже могут входить с ними в противоречие.

Идентификация приобретает форму ритуалов по поддержанию символического универсума как субстанции бытия, как священного канонического образа, в котором все "прописано", надо только "правильно уметь читать".

В современной России до сих пор нет единого нормативного пространства. Можно говорить о нескольких нормативных центрах, которые частично пересекаются и во многом противоречат друг другу. Существуют разные силы, которые тяготеют к тому или иному центру. Есть общности, группы, которые идентифицируют себя с коллективистскими ценностями, с ориентацией на сильную государственную власть, харизматического вождя, на патерналистскую модель отношений. Другие идентифицируют себя с западными ценностями третьи – демонстрируют националистическую идентичность.

Думается, проблема несовпадения типов нормативной идентичности индивидов стоит очень остро в современном российском обществе. Это отражается и на формировании нормативно-правового пространства. Последнее не может возникнуть по воле и желанию кого-либо. Требуется определенный правовой менталитет, устойчивая ориентация на правовые ценности, но эта ориентация у населения нечетко артикулирована. Дело тут не только в неразвитости правовых традиций и, разумеется, не в специфическом российском менталитете, якобы склонном к правовому нигилизму, анархии. Очевидно, современная российская власть еще не способна выступать в роли силы, которая формировала и олицетворяла бы единый нормативно-правовой порядок. Назовем, на наш взгляд, несколько причин.

1. Неразвитость современной политической элиты. Многие ее представители – руководители, функционеры советского периода. Естественно, что их правовое сознание и образы правовой идентичности «загружены» стереотипами, присущими данному времени. Это отражается и на нормативно-правовых принципах, которые они представляют и идентифицируют. Последние размыты, часто противоречат друг другу (богатство и бедность, индивидуализм и коллективизм, эгалитаризм и крайние формы неравенства, приверженность общечеловеческим ценностям и национализм).

2. Незрелость социальных сил (общностей, групп), которые участвуют в общественно-политической жизни. Речь не идет лишь об участии этих сил в различных политических компаниях, манифестациях, выборах. Население России пассивно, прежде всего, с точки зрения их политической (властной) самостоятельности. Нормативно-правовые принципы формируются в обществе «сверху». Народ практически не участвует в их практической апробации, корректировке с учетом их жизненных интересов. Он не оказывает существенного давления на политическую элиту, с тем чтобы эти интересы учитывались. В результате нормативно-правовые принципы навязываются населению, которое пассивно их принимает. Очевидно, в обществе нет той социальной силы, которая была бы «становым хребтом» нормативного порядка. В западном мире таким является так называемый средний класс.

3. Несовершенство общественно-политических институтов и их взаимосвязи. В развитых обществах Запада на протяжении веков формировалась и отшлифовывалась гибкая система кодов, правил, которая позволяла различным субъектам власти заявлять о себе, проявлять свою идентичность. Она включала в себя развитую правовую базу, правовую культуру, протестантскую этику и т.д. Гибкость западных общественно-политических институтов проявляется в том, что они взаимодополняют друг друга. Скажем, протестантская церковь и протестантская этика естественным образом «сглаживают» крайности западного индивидуализма, прагматизма. Правовые институты в своей деятельности активно взаимодействуют с различными общественными, религиозными организациями. В то же время действия отдельных общественно-политических институтов (и соответствующих им сфер нормативной жизни) четко артикулированы, т.е. нормативные рамки деятельности протестантской церкви пересекаются с нормативными рамками других общественных институтов только в тех пределах, которые не нарушают апробированные историей общие принципы существования данного общества.

В России среди всех политических и общественных институтов самым могущественным и консолидированным выступает государство. Другие институты выступают либо в качестве общественно-политического придатка государства, либо их влияние в качестве нормативно-образующей силы не существенно, либо, и

это особенно тревожно, формируют деструктивные нормативные пространства. К последним следует отнести различные маргинальные, субкультурные образования.

4. В российском обществе отсутствует единая идеология, единая ценностно-символическая «матрица». Такой матрицей в западном мире является, на наш взгляд, протестантское мировосприятие. Несмотря на радикальные процессы «разволшебствования», которые происходят в западно-европейских странах, США, его роль в качестве исходной парадигмы бытия остается значительной. Старая коммунистическая идеология в качестве нормативно-образующей матрицы вряд ли сегодня актуальна. Новая же еще не сформировалась.

Таким образом, в современной России единый нормативно-правовой порядок находится в стадии становления. Мы переживаем ситуацию кризиса нормативной идентичности. В условиях распада старых ценностей и институтов, всеобщей маргинализации общества этот кризис виден невооруженным глазом. Надо добавить кризис и властной идентичности. Население далеко не всегда идентифицирует себя с властью, воспринимает ее как внешнюю, отчужденную силу. В таком качестве она не способна выступать в качестве нормативно-образующей силы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер. - М.: Республика, 1993.
2. Бергер П. Социальное конструирование реальности / П. Бергер, Т. Лукман. - М.: Медиум, 1995.